ПЕТЕРБУРСКІЙ ДВОРНИКЪ.

На дворѣ погода какая–то средняя, то–есть, люди заѣзжіе полагаютъ, что она дурна; коренные жители находятъ, что она довольно–сносна, и надѣются, что къ вечеру еще проведрится, — а каретные извощики ею вполнѣ довольны: ѣзды въ крытыхъ экипажахъ больше.

Одинъ дворникъ мететъ плитнякъ, другой, насупротивъ, на общую пользу салоповъ и шинелей пѣшеходовъ, лакируетъ чугунные надолбы постнымъ масломъ съ сажей.

— Никакъ, Иванъ, у тебя масло–то невареное? сказалъ тотъ, что съ метлой.

— А что?

— Да такъ, что–то не слыхать его черезъ улицу; а то, бывало, таки переноситъ отъ тебя къ намъ.

— И то сырое. Тутъ не до–варки, а вымазать бы только, чтобъ не потянули опять.

Чиновники идутъ средней побѣжкой между иноходи и рыси, такъ–называемымъ у барышниковъ перебоемъ; первый дворникъ мететъ размашисто всѣхъ ихъ сряду по ногамъ. Они по–очередно подпрыгиваютъ черезъ метлу; одинъ, однакоже, миновавъ опасность, останавливается и бранится.

Дворникъ продолжаетъ свое дѣло, будто не слышитъ, и ворчитъ послѣ про себя, но такъ, что черезъ улицу слышно: а обойдти не хочешь? нешто глазъ во лбу нѣту? Другой дворникъ, для котораго собственно острое словцо это было пущено, смѣется и, выпрямившись, засучиваетъ нѣсколько рукава, шаркнувъ себя локтемъ по–боку, передаетъ черную масляную ветошку, для отдыха, изъ правой руки въ лѣвую, а освободившеюся рукою почесываетъ голову.

Порядочно–одѣтый человѣкъ останавливается у воротъ дома, смотритъ на надпись и, оглядываясь, говоритъ: «эй, любезный, гдѣ здѣшній дворникъ?»

Григорій молчитъ, будто не слышитъ; тотъ повторяетъ вопросъ свой по–громче и по–настойчивѣе.

— Тамъ, спросите во дворѣ.

Господинъ уходитъ подъ ворота; второй дворникъ, Иванъ, смѣется. — Ты что жь не отозвался?

— Много ихъ ходитъ тутъ! отвѣчалъ первый и продолжаетъ мести.

Въ это время, извощикъ, на выѣздахъ, проѣзжаетъ шагомъ, — дремля бочкомъ на дрожкахъ; лошадь разбитая, дрожки ободранныя, кожа между крыльями прорвана, изъ–подъ подушки кругомъ торчитъ сѣно; гайка сваливается съ колеса.

Дворникъ съ метлой глядитъ нѣсколько времени въ–слѣдъ за извощикомъ, потомъ выходитъ на средину улицы, подымаетъ гайку и кладетъ ее въ карманъ. Колесо съ дрожекъ соскочило, извощикъ чуть не клюнулся носомъ въ мостовую, соскакиваетъ, останавливая лошадь, оглядывается кругомъ и бѣжитъ назадъ. Увидавъ дворника на пути со средины

улицы къ плитняку, обращается къ нему: «ты, что ли, поднялъ, дядя?»

— Кого поднялъ?

— Да гайку–ту; отдай, пожалуйста!

— А ты видѣлъ, что ли?

— Да чего видѣлъ? отдай, пожалуйста!

— Отдай! что я тебѣ отдамъ? ты бы сперва двугривинный посулилъ, а тамъ бы говорилъ отдай.

Споръ становится по–немногу жарче; извощикъ сперва проситъ, тамъ божится, что у него нѣтъ ни пятака, что онъ только–вотъ выѣхалъ; потомъ пошла брань и крикъ, въ которомъ кромѣ обычныхъ привѣтствій, слышно только съ одной стороны: «отдай, я тебѣ говорю, отдай!» а съ другой: «что я тебѣ отдамъ? да ты видалъ что ли?» Съ этимъ воинственнымъ крикомъ непріятели другъ на друга наступаютъ; дворникъ Иванъ, съ помазкомъ въ рукѣ, пользуется пріятнымъ зрѣлищемъ, и улыбаясь отдыхаетъ отъ трудовъ; народъ начинаетъ собираться, образуя кружокъ. Какой–то дюжій парень также останавливается, и узнавъ, въ чемъ

дѣло, говоритъ извощику: — да ты что горло дерешь, толкуешь съ нимъ, съ собакой? ты въ рыло его, а я поддамъ по затылку. И едва это было сказано, какъ и тотъ и другой, будто по командѣ, въ одинъ темпъ исполнили на дѣлѣ это дѣльное увѣщаніе.

Народъ кругомъ захохоталъ. А оглушенный неожиданнымъ убѣжденіемъ строптивый Гришка, потряхнувъ слегка головой, досталъ гайку изъ кармана шароваръ и отдалъ извощику съ совѣтомъ: не терять ее въ другой разъ а то–де ину–пору и не воротишь; иной и не отдастъ; а за нее въ кузницѣ надо заплатить цѣлковый, да еще накланяешься, да напросишься: вашего брата тамъ много!

Зрители, натѣшившись этимъ позорищемъ, разошлись своимъ путемъ, оглядываясь по–временамъ назадъ; извощикъ надѣлъ колесо, навернулъ гайку и во все это время бранился. Дворникъ Григорій принялся опять за метлу и ограничился повтореніемъ того же дружескаго совѣта. Дворникъ Иванъ

подшучивалъ, смѣючись слегка надъ товарищемъ: «извощику–то ты что жь такъ спустилъ! Эка, здоровъ кистень у парня–то?»

Въ это время господинъ, проискавъ дворника по пустякамъ во дворѣ, вышелъ опять изъ–подъ воротъ и обратился къ нашему пріятелю довольно–настойчиво: — Да ты, что–ли, здѣшній дворникъ, эй!

— А вамъ кого надо?

— Титулярнаго совѣтника Былова.

— На лѣвую руку подъ ворота, въ самый вверхъ, двери на лѣвой рукѣ.

— Такъ что жь ты не сказалъ мнѣ давича, какъ я спрашивалъ тебя? вѣдь ты дворникъ здѣшній?

— Дворникъ! мало ли дворниковъ бываетъ! у другихъ, у хорошихъ хозяевъ, человѣка по три живетъ; это нашъ только вотъ на одномъ выѣзжаетъ.

Посѣтитель долженъ былъ принять эту логику особаго разбора за отвѣтъ, пожалъ плечами и пошелъ по указанію.

По ту сторону улицы проходятъ двѣ барыни; у одной изъ нихъ на рукахъ какая–

то шавка; барыня ее усердно лижетъ и цалуетъ.

— Вотъ, сказалъ веселый дворникъ Иванъ, барыни–тѣ дѣтей своихъ пѣстовать не хотятъ, а со щенятами няньчатся!

Обѣ барыни оглянулись на веселаго дворника и посмотрѣли на него такими глазами, будто онъ сказалъ непростительную дерзость.

Между–тѣмъ, изъ дома дворника съ метлой выскочила чумичка, сложивъ руки подъ сальнымъ ситцевымъ передникомъ, который она сшила на свой счетъ, обидѣвшись тѣмъ, что барыня вздумала подарить ей для кухни пару тиковыхъ или холстинныхъ. — Григорій! начала она кричать: — ахъ, ты, Господи, воля твоя, какой народъ! Григорій, да что жь ты, не принесешь что ли сегодня воды?

— Поспѣешь! что тороплива больно!

— Поспѣешь! ахъ, ты, Боже мой! Барыня бранится, въ третій разъ гоняетъ меня; я по цѣлому дому бѣгала — нѣтъ какъ нѣтъ; а онъ вотъ еще тутъ прохлаждается, словно

Христа–ради воду носитъ намъ; право! — Да иди, что ли, принеси!

— Принеси? Тутъ вотъ любое, либо по воду иди, либо улицу мети; а какъ надзиратель пойдетъ, — такъ вотъ и будемъ мы съ тобой у праздника.

— У праздника? Да мнѣ что за праздники! тамъ вы–себѣ пожалуй празднуйте, а ты воды принеси!

Григорій поварачивается медвѣдемъ и отправляется къ воротамъ; чумичка, побѣдивъ краснорѣчіемъ своимъ упорство его, убѣгаетъ проворно подъ ворота; онъ сильнымъ взмахомъ кидаетъ въ слѣдъ за нею метлу, а Иванъ кричитъ, повысивъ голосъ: «Эхъ! ушла полубарыня! а такъ–вотъ чуть чуть не огрѣлъ ее! Больно тонко прохаживаться изволите!» примолвилъ онъ, намекая на босыя ея ноги — «чулки отморозите, сударыня!»

Въ промежуткѣ этихъ забавъ, однакожъ, Иванъ и Григорій сдѣлали также свое дѣло, потому–что за нихъ никто не работалъ. До свѣту встань, дворъ убери, подъ воротами вымети, воды семей на десятокъ натаскай,

дровъ въ четвертый этажъ, за полтинникъ на мѣсяцъ принеси. И Григорій взвалитъ–бывало цѣлую полѣнницу на плечи, все хочется покончить за одинъ пріемъ, а веревку — подложивъ шапку — вытянетъ прямо черезъ лобъ, и послѣ только потретъ его, бывало, рукой.

Тамъ плитнякъ выскреби, да вымети, да посыпь пескомъ — улицу вымети, соръ убери; у колоды, гдѣ стоятъ извощики, также все прибери и снеси на дворъ; за назёмъ этотъ колонисты платили, впрочемъ, охотно Григорію по рублю съ воза: вишь, Нѣмцамъ этимъ все нужно. Тутъ, глядишь — опять дождь, либо снѣгъ, опять мети троттуары — и такъ день–за–день. Во все это время, и домъ стереги, и въ Часть сбѣгай съ запиской о новомъ постояльцѣ; на ночь, ляжешь, не ляжешь, а не больно засыпайся: колокольчикъ подъ самой головой, и уйдти отъ него никуда, хоть бы и захотѣлъ, потому–что и все–то жилье въ подворотномъ подвалѣ едва помѣщаетъ въ себѣ огромную печь. Сойдите ступеней шесть, остановитесь и раздуйте вокругъ

себя густой воздухъ и какіе–то облачные пары; если васъ не ошибетъ на третьей ступени обморокъ отъ какого–то прокислаго и прогорклаго чада, то вы всмотрѣвшись по–маленьку въ предметы, среди вѣчныхъ сумерекъ этого подвала, увидите, кромѣ угрюмой дебелой печки, еще лавку, которая безногимъ концомъ своимъ лежитъ на боченкѣ; столъ, въ которомъ ножки вышли на цѣлый вершокъ посверхъ столешницы; а между печью и стѣною — кровать, которая вела самую превратную жизнь: она дремала только днемъ, какъ дремлетъ искра подъ пепломъ — ночью же оживала вся, питаясь тучностью нашего дюжаго дворника. Онъ былъ независтливъ, и говаривалъ, что–де не обидно никому. Замѣчательно, что домашняя скотинка эта пріучена была къ колокольчику, какъ саженая рыба, только въ обратномъ смыслѣ: она разбѣгалась мгновенно, когда зловѣщій колокольчикъ раздавался надъ головою спящаго Григорія, и терпѣливо ожидала возвращенія его, и смѣло опять выступала мгновенно въ

походъ, лишь–только онъ ложился, натянувъ одну полу тулупа себѣ черезъ голову. Подлѣ печи три коротенькія полочки, а на нихъ двѣ деревянныя чашки и одна глиняная, ложки, зельцерскій кувшинъ, штофчикъ, полуштофчикъ, графинчикъ, какая–то мутная, порожняя стклянка, и фарфоровая золоченая чашка, съ графской короной. Подъ лавкой бурозеленоватый самоваръ о трехъ ножкахъ, двѣ битыя бутылки съ ворванью и сажей, для смазки надолбъ, и, вѣроятно, ради пріятнаго, сытнаго запаха, куча обгорѣлыхъ плошекъ. Горшковъ не водится въ хозяйствѣ Григорія, а два чугунчика, для щей и каши, постоянно проживаютъ въ печи, или по–крайней–мѣрѣ съ шестка не сходятъ. Мыть ихъ, хотя повременамъ, Григорій считалъ совершенно–излишнимъ, убѣдившись на опытѣ, что сколько–де ихъ ни мой, они все черны(*).

Тулупъ и кафтанъ висятъ надъ лавкой, у самаго стола, такимъ образомъ, чтобъ

(*) Впрочемъ Григорій увѣрялъ меня однажды, что моетъ всю посуду свою каждогодно — въ понедѣльникъ на великій постъ; но не для чистоты, а ради грѣха, какъ самъ онъ выражался.

Григорій, во время обѣда съ товарищами, могъ доставить и себѣ, и имъ удовольствіе тереться о платье головою. Въ углу образа, вокругъ вербочки, въ кіотѣ сбереженное отъ Святой яичко и кусочекъ кулича, чтобъ разговѣться на тотъ годъ; подъ кіотомъ бутылка съ богоявленской водой и пара фарфоровыхъ яичекъ. Объ утиральникѣ, который виситъ подъ зеркальцемъ въ углу, подлѣ полокъ, рядомъ съ Платовымъ и Блюхеромъ, надо также упомянуть — хоть бы потому, что онъ съ алыми шитками; утиральникъ этотъ упитанъ и умащенъ разнородною смѣсью всякой–всячины до сыта, до самаго нельзя, и проживетъ, вѣроятно, въ этомъ видѣ еще очень–долго, потому–что мыши не могутъ его достать съ гвоздя, а собакъ Григорій нашъ не держитъ; но онъ именно испыталъ однажды на своемъ вѣку, что голодная собака унесла тайкомъ такой съѣдомый утиральникъ, который и пропалъ бы, вѣроятно, безъ вѣсти, если бъ собака эта не погрызлась изъ–за лакомаго куска съ другимъ псомъ; ссора эта обратила вниманіе нашего

дворника на спорную добычу, которая и не досталась ни одной изъ тяжущихся сторонъ, а была у нихъ отбита. Григорій пнулъ еще ногою одного пса, встряхнулъ раза два утиральникъ и повѣсилъ его на свое мѣсто. Онъ въ извѣстныхъ случаяхъ любилъ порядокъ.

Отъ–чего же, — спросите вы, дворъ и улица были всегда такъ чисты у Григорія, когда конура его не могла похвалиться хозяиномъ слишкомъ–чистоплотнымъ? Ну, этой внѣшней чистотѣ виноватъ былъ не Григорій, а не спускавшій съ него глазъ надзиратель. Вотъ почему дворнику нашему чистота и надоѣла до такой степени и опостыла; онъ все это вымещалъ на своемъ подвалѣ, который былъ у него въ полномъ распоряженіи, и тутъ только Григорій дышалъ свободно, наслаждаясь мягкою, сальною наружностью всѣхъ предметовъ своего маленькаго хозяйства, упиваясь благовоніемъ, пресыщаясь питательною густотою доморощеной атмосферы.

На другое утро, Иванъ да Григорій опять поздоровались черезъ улицу съ метлами въ рукахъ.

— Что ты? аль неможешь?

— Нѣтъ, что–то плохо; черезъ силу хожу — такъ и подводитъ животы.

— А ты бы на тощакъ квасу съ огурцами поѣлъ, посоливши хорошенько.

— Нѣтъ, я ужь вотъ золы съ солью выпилъ; авось отпуститъ.

Но, видно, отъ золы съ солью не совсѣмъ отпустило; Григорій пошелъ къ лекарю своему, къ лавочнику, и просилъ помощи. Тотъ долго не разспрашивалъ, а узнавъ главнѣйшія обстоятельства, положилъ Григорія у себя на печь, велѣвъ ему лечь плотнѣе животомъ на горячій ржаной хлѣбъ; накрылъ больнаго тулупомъ, далъ ему выпить чего–то горячаго, и къ обѣду поставилъ его на ноги. Григорій поблагодарилъ своего лекаря, и разсудилъ, что не худо послѣ этого поберечься и довольствоваться въ этотъ день легкимъ постнымъ столомъ, то есть: квашеной

капустой, огурцами, тухлой рыбой и фонарнымъ масломъ.

Григорій любитъ иногда покричать, любитъ подчасъ и нагрубить; но также охотно смиряется, довольствуясь тѣмъ, чтобъ, отвернувшись, поворчать, а за глаза и побранить. Сто разъ говорилъ онъ уже черезъ улицу Ивану, что послѣдній день живетъ у этого хозяина, отойдетъ завтра же непремѣнно, — а на утро опять выходилъ на службу съ метлой, съ лопатой, съ ведрами. Хозяинъ былъ имъ доволенъ, въ–особенности за честность и строгій присмотръ.

Григорій узнавалъ подозрительныхъ посѣтителей чутьемъ, по первому взгляду, и выпроваживалъ ихъ обыкновенно тѣмъ, что начиналъ придираться вопросами о томъ, къ кому и зачѣмъ идешь, а потомъ спросами о паспортѣ и мѣстѣ жительства. О такихъ предметахъ, какъ Григорій зналъ по давнишнему опыту и навыку, люди этого разбора бесѣдуютъ очень–неохотно, и потому, обыкновенно, не затягивая разговора, удалялись на поиски въ иное

мѣсто. Иногда Григорій, встрѣтивъ въ воротахъ человѣка съ полуобритой бородой, въ засаленномъ цвѣтномъ бумажномъ платкѣ и въ изорванной шинелишкѣ, пускался немедленно въ откровенныя съ нимъ объясненія, увѣряя его, что здѣсь–де, братъ, нѣтъ тебѣ поживы никакой, право, нѣтъ, ступай съ Богомъ. А поймавъ у себя въ домѣ подобнаго человѣка, онъ во избѣжаніе, по его мнѣнію, лишнихъ хлопотъ, потаскавъ незваннаго гостя за чубъ, выпроваживалъ его въ–зашей. Веселый дворникъ Иванъ тѣшился въ такихъ случаяхъ иначе: онъ заставлялъ вора лѣзть въ тѣсную подворотню, и погонялъ его сзади съ разными поговорками метлой.

Но если какой нибудь счастливый находчикъ проносилъ подъ–мышкой попавшееся ему гдѣ–нибудь платье, то Григорій съ преспокойною совѣстью торговалъ и нерѣдко покупалъ вещь, коли ее отдавали за безцѣнокъ и она годилась ему въ передѣлку. «А мнѣ что» говаривалъ

онъ: «я почемъ знаю? Нешто я укралъ? Украдено, такъ не у насъ.»

Въ праздникъ, Григорій любилъ одѣваться кучеромъ, лѣтомъ въ плисовый поддѣвокъ, зимой въ щегольское полукафтанье и плисовые шаровары, а тулупъ накидывалъ на плечи. У него была и шелковая низенькая, развалистая шляпа. Такъ онъ сиживалъ нерѣдко за воротами, сложа руки, насвистывая сквозь зубы, или лакомясь мочонымъ горохомъ, который доставалъ изъ краснаго, какъ жаръ, платка. Такіе платки нынѣ въ рѣдкость; они назывались «бубновыми», и бѣлые бубны, вытравленные по алому полю какой–нибудь кислотой, вскорѣ обращались просто въ дырочки, что и подавало Григорію поводъ подбирать по–временамъ горошины съ земли, обдувать ихъ и съѣдать по–одиначкѣ. Иванъ, сидя рядомъ, или насупротивъ, предпочиталъ кочерыжки, а если ихъ не было, рѣпу. Вкусы того и другаго мирились лѣтомъ надъ недозрѣлымъ зеленымъ и жесткимъ крыжовникомъ, не крупнѣе гороха, и оба

дворника запасались тогда почти ежедневно двумя или тремя помадными банками этого лакомства, которое носила по улицѣ уродливая, пирогомъ повязанная старуха, вскрикивая пѣтухомъ: «крыжовникъ спѣла–ай! крыжовникъ садовай, махровай», и пр. Она не заламывала головы на верхнія окна, а косилась обыкновенно въ подвальныя жилья, и за копеечку нагребала помадную банку верхомъ.

Орѣховъ Григорій не терпѣлъ, увѣряя, что грызть орѣхи прилично только дѣвкамъ!

Въ этомъ состоялъ весь праздникъ Григорія; изрѣдка только онъ напивался въ волю, поставивъ напередъ какого–нибудь земляка, на цѣлые сутки, на свое мѣсто. Не принявъ напередъ этой мѣры, онъ не гулялъ никогда. Всегдашняя поговорка его, когда кто поминалъ праздникъ, была: «Какой нашему брату праздникъ!» Онъ совершенно соглашался съ однимъ мастеровымъ, который даже о Рождествѣ, какъ о праздникѣ, отозвался однажды съ примѣсью философской хандры, сказавъ со вздохомъ: «Что за праздникъ нашему

брату! тутъ и всего–то три дня; не успѣешь не то что погулять, а на съѣзжую попасть». Ну, напередъ не угадаешь, братъ, гдѣ будешь, замѣтилъ–было недогадливый Григорій, но мастеровой отвѣчалъ, пожавъ плечами: «Нѣтъ, не берутъ; первые три дня не приказано брать никого». Но годовые праздники, при всей малозначительности своей для Григорія, какъ дни пированья, замѣчательны были для него тѣмъ, что онъ ходилъ по порядку собирать подать со всѣхъ постояльцевъ. И у него, какъ у самаго хозяина, квартиры всѣ были расцѣнены по доходу, отъ гривенника, получаемаго по два раза въ годъ съ прежалкаго и прекислаго переплетчика, проквашеннаго насквозь затхлымъ клейстеромъ, — и до красненькой двухъ квартиръ втораго жилья. Онъ перенялъ у остряка Ивана давать постояльцамъ своимъ прозванія по числу рублей, получаемыхъ отъ нихъ къ Рождеству и къ Святой: «двугривиный переплетчикъ», «трехрублевый чиновникъ» и проч. Этимъ способомъ, о которомъ слухи доходили

иногда до честолюбивыхъ жильцовъ, ему даже удавалось повышать водочный окладъ, и жилецъ поступалъ тогда съ трехърублеваго въ пятирублевый разрядъ. Въ случаѣ перехода новаго жильца, Григорій умѣлъ сообщить ему всегда заблаговременно, до наступленія праздниковъ, свѣдѣніе, сколько получалось обыкновенно отъ его предшественника. Съ жильцовъ безпокойныхъ, которые постоянно возвращались домой по ночамъ, Григорій иногда понастоятельнѣе требовалъ *на чай*, увѣряя, что за ними–де хлопотъ очень–много.

У Григорія былъ еще небольшой промыселъ: онъ занимался въ своемъ кругу оборотишками по небольшому домашнему банку и отдавалъ, за вѣрнымъ поручительствомъ, или подъ заклады, до сотни рублей въ ростъ. Болѣе восьми или десяти со ста въ мѣсяцъ ему рѣдко удавалось взять; а если его попрекали такимъ запросомъ, увѣряя, что изъ казны можно взять за пять или за шесть со ста, то онъ, махнувъ рукой, говорилъ

преспокойно: «ну, такъ поди въ казну; а не то вотъ къ графскому каммердинеру: тотъ съ тебя возьметъ по двадцати въ мѣсяцъ, да еще росписку, что залогъ имъ купленъ у тебя, да не дождавшись сроку и продастъ его, коли хорошій покупатель найдется». Григорій не видалъ тутъ никакого грѣха; я, говоритъ, никого не неволю, ни кому не напрашиваюсь; мои пятьдесятъ рублей мѣсто не пролежатъ у меня и въ сундукѣ. Что дѣло это надо дѣлать тайкомъ — это онъ очень–хорошо понималъ; но не потому тайкомъ, чтобъ оно было дѣло виноватое, а потому–де, что извѣстно ужь, во всякомъ дѣлѣ надо беречься отъ придирки, да знать его про–себя; тутъ, пожалуй, попадешься за всякую бездѣлицу и во всемъ виноватъ останешься. Какъ старый дворникъ и уличный петербурскій житель, которому нерѣдко случалось сталкиваться и дружиться съ народомъ всякаго разбора, Григорій былъ не только коротко–знакомъ со всѣми плутнями петербурскихъ мошенниковъ, но понималъ отчасти языкъ ихъ, и молодой сосѣдъ его, Иванъ, бралъ у

бывалаго пріятеля своего иногда уроки въ этомъ полезномъ знаніи. «Стырить камлюхъ», т. е. украсть шапку; «перетырить жулилу коньки и грабли», т. е. передать помощнику–мальчишкѣ сапоги и перчатки; «добыть бирку», т. е. пашпортъ; «увести скамейку», т. е. лошадь, — все это понималъ Григорій безъ перевода и однажды больно насмѣшилъ веселаго Ивана, когда они сидѣли въ праздникъ рядкомъ за воротами, упиваясь чадомъ смердячихъ плошекъ; небольшая шайка проходила въ это время, какъ видно было, отъ разъѣзда театра, и увидѣвъ товарища, поставленнаго для наблюденія за *ширманами* (т. е. за карманами) пѣшеходовъ, встрѣтила его вопросомъ*: что клею?* т. е. много ли промыслилъ? А Григорій отвѣчалъ преспокойно: *бабки*, *веснухи*, *да лепень*, т. е. деньги, часы, да платокъ; и мошенники съ недоумѣніемъ посмотрѣли на Григорія, не зная, мазурикъ ли это, т. е. товарищъ ли, или предатель? Иванъ научился также отъ Григорія пугать мошенниковъ и узнавать ихъ въ толпѣ;

стоитъ только сказать: «стрема», т. е. берегись! и всякій мазурикъ сейчасъ же кругомъ оглянется.

Отъ–чего же, спросите, Григорій, какъ и всѣ товарищи его, зная и встрѣчая людей этихъ иногда и съ поличнымъ, зная даже нерѣдко, по слухамъ, кто, что и гдѣ укралъ — отъ–чего же онъ не ловилъ ихъ, не доносилъ на нихъ, куда слѣдовало, а смотрѣлъ на все это равнодушно, какъ на постороннее для него и безвредное дѣло? Отъ–того, что у него были свои понятія и убѣжденія, свой взглядъ и своя житейская опытность, переходящая съ поколѣнія на поколѣніе. Противу такихъ укоренившихся и воплотившихся доводовъ спорить трудно. Григорій былъ твердо, логически убѣжденъ, что виноватъ тотъ, кто попался, а не тотъ, кто укралъ; что только открытое преступленіе вина, и наконецъ, что всегда виноватъ будетъ тотъ, кто гласно впутается въ такое опасное дѣло. У Григорія была на это сотня нелѣпыхъ примѣровъ въ запасѣ, какъ одинъ будто виноватъ остался за то, что донесъ на вора, а другой за то, что его

впутали въ свидѣтели; какъ третьяго затаскали въ распросахъ и показаніяхъ и присудили *за разнорѣчіе* о такомъ дѣлѣ, о которомъ онъ ровно ничего незналъ, и сказалъ одинъ разъ, что ничего не знаетъ, а въ другой разъ, что не знаетъ ничего; какъ такого–то взяли и посадили за то, что онъ остановился мимоходомъ и поглядѣлъ на плывущій по водѣ трупъ, или такъ–называемое «мертвое тѣло»; какъ такого–то записали и осудили прикосновеннымъ къ дѣлу за то, что онъ вздумалъ–было–вступиться, когда при немъ хотѣли ограбить человѣка; словомъ, Григорій почиталъ себя человѣкомъ опытнымъ, и, по привычкѣ, судилъ о подобныхъ дѣлахъ весьма–хладнокровно.

Григорій зналъ наизустъ звонъ каждаго изъ жильцовъ. Просыпаясь ночью отъ звона, который мгновенно производилъ такой переворотъ въ жильцахъ или постояльцахъ собственной его квартиры, онъ ворчалъ обыкновенно про себя спросонья «двугривенный баринъ — ну, не горячись, поспѣешь»; потомъ медленно

поворачивался, почесывался, зѣвалъ, накидывалъ свой тулупишко, и взявъ ключи, отправлялся босикомъ по мерзлому снѣгу, попадая путемъ дорогою правою рукою въ лѣвый рукавъ тулупа; не находилъ спросонья рукава, останавливался еще разъ подъ воротами, проворчавъ: «кой лѣшій, на глухо что ли рукавъ–этъ пришитъ!» потомъ кричалъ вслухъ: «сейчасъ» — а ворчалъ, впрочемъ, не совсѣмъ про себя: «постой, тебѣ говорятъ; надорвешься; замерзъ, что ли тамъ!» Но растворивъ наконецъ калитку, Григорій обыкновенно дѣлался вѣжливѣе и мягче въ обращеніи своемъ и пропускалъ жильца молча, или даже иногда проговаривалъ, будто нехотя, пополамъ съ позевкомъ «извольте–съ». У Ивана была на этотъ счетъ другая замашка: онъ какъ человѣкъ веселый и живой, не заставлялъ долго дожидаться у воротъ; но если время было уже поздно, то, раскланиваясь съ вошедшимъ, говорилъ только, стоя на морозѣ босикомъ въ одной рубахѣ: «у насъ, сударь, былъ тоже одинъ такой, что

все поздно домой приходилъ — да хорошій баринъ, спасибо, вотъ какъ и ваша милость, все бывало на чай даетъ». Замѣтьте: *На чай*, а не на водку; у Ивана былъ землякъ–полотёръ, человѣкъ довольно тонкаго обращенія, и у него–то Иванъ выучился объясняться нѣсколько–вѣжливѣе.

Остается сказать нѣсколько словъ о семейныхъ, родственныхъ, хозяйственныхъ и вообще домашнихъ отношеніяхъ нашего Григорія.

Плохъ ли онъ былъ, хорошъ ли, честенъ по–*своему*, или по–*нашему*, много ли, мало ли заработывалъ, а кормилъ дома, въ деревнѣ, семью. И онъ, какъ прочіе, разсказывалъ о бытѣ своемъ все одно и то же: «Вишь, пора тяжелая, хлѣба Господь не родитъ, земли у насъ малость — а тутъ подушное, оброкъ, земство... за отца плати, потому–что слѣпъ, ну, за отца все бы еще ничего — а то и за дѣда плати, потому–что и дѣдъ еще живъ, и даже не слѣпъ, а только всю зиму на печи сидитъ, какъ сидѣлъ когда–то Илья Муромецъ; — да еще

за двухъ малыхъ ребятъ, за одного покойника, да за одного живаго».

Еще на десятокъ годовъ станетъ Григорія, можетъ–статься и на полтара; тамъ — либо пойдетъ онъ и самъ сядетъ на печь, сбывъ дѣла; либо займется въ деревнѣ торговлей, коли деньги тутъ не пропадутъ въ закладахъ. Пріѣдетъ домой, привезетъ сотни три–четыре — вырубитъ подъ избой продольное окно, подопретъ висячій ставень шестомъ и развѣситъ въ лавочкѣ пучковъ десятокъ лычныхъ и пеньковыхъ веревокъ, оборотей, недоуздковъ, да три вѣнка рѣпчатаго лука; поставитъ бочку дегтя, другую меда — онѣ и по пословицѣ вмѣстѣ живутъ, десятокъ ременныхъ кнутовъ, тесаныхъ дугъ, оглобель, лаптей, пряниковъ, тесемокъ и нѣсколько вязанокъ барашекъ. Вотъ и всѣ припасы и вся торговля; а если вы думаете, что Григорій при такихъ оборотахъ изъ–за хлѣба на квасъ не заработаетъ, такъ ошибаетесь; онъ человѣкъ бывалый: деготь у него будетъ такой нескончаемый, что онъ изъ одной бочки, въ–разницу, двѣ, либо

три нацѣдитъ; медъ онъ пластаетъ и размазываетъ такъ мастерски, что коли за чаемъ не высосешь картузной бумаги, на которую наклеитъ онъ четверку, такъ и вкусу этому меду не узнаешь. А веревки, наконецъ... да веревкамъ его конца нѣтъ; онъ мѣряетъ ихъ маховыми саженями, и намахаетъ вамъ ихъ столько, сколько угодно, вотъ только въ глазахъ рябитъ, какъ пойдетъ разводить руками; дѣло дорожное — взять негдѣ, такъ и берутъ.

Иванъ, я думаю, не пойдетъ въ деревню, а пойдетъ, надумавшись, либо въ кучера, либо станетъ зимою ледъ колоть, а лѣтомъ яблоками торговать; весной же и осенью перекупать и продавать, что случится, на толкучемъ. Удали его въ дворникахъ тѣсно, а дома скучно; со столичнымъ образованіемъ человѣку въ такой глуши жить тяжело...

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ